М. Я. Немировский.

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЕГО ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА.

(M. J. Nemirowsky. Die heutige Sprachwissenschaft und ihre dringende Aufgabe).

Оттиск из Известий Горского Педагогического Института.
Том III.

Besonderer Abdruck aus den Nachrichten des Gorsky Paedagogischen Instituts.
Band III.

Владикавказ. 1926. Vladikavkas.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
457
54

Современное языкознание и его очередная задача.

М. Я. Немировский.

M. J. Nemirovsky. Die heutige Sprachwissenschaft und ihre dringende Aufgabe.

Посвящается памяти Карла Бругманна
Dem Andenken Karl Brugmanns zugeeignet

I.

От самого своего возникновения вплоть до наших дней наука о языке развивалась под знаком индо-европеистики. Эта гегемония индо-европеистики об'ясняется не только тем, что именно индо-европейские языки неизменно стояли в центре научно-иследовательских интересов лингвистов, но также и тем, что на материале индо-европейских языков делались такие построения и устанавливались такие принципы, которые имели общее теоретическое значение для всей науки о языке.

Из недр индо-европеистики вышла и та теория, которая с конца семидесятых годов прошлого столетия господствовала в лингвистике до недавнего времени. Мы разумеем учение т. н. „младо-грамматиков" *(Junggrammatiker* [1]*)*.

Убежденные сторонники сравнительно исторического метода, „младо-грамматики" продолжали дело своих предшественников, разрабатывая с увлечением историческую и сравнительную грамматику. При этом особенное внимание уделяли они построению истории звуков и форм, исторической фонетике и морфологии, т. к. именно в этих отделах языкознания, открывался наибольший простор для приложения, методических принципов „младо-грамматической" теории-принципа точного и незыблемого „звукового закона", во-первых, и принципа т. н. „аналогии", во-вторых.

Какого высокого совершенства достигла лингвистическая научно-иследовательская техника в руках „младо-грамматиков" лучше всего может показать классический *„Grundriss der vergleichenden Grammatik*

[1]) Теория эта изложена главой „младо-грамматиков" Германом Паулем в его извесгной книге „Принципы Истории языка" (Prinzipien der Sprachgeschichte, вышедшей в 1880 г. и потом неоднократно переиздававшейся, последнее пятое издание 1920 г.)

der indogermanischen Sprachen" К. Бругмана и Б. Дельбрюка, труд, по богатству обработанного в нем материала, систематичности изложения и методологической выдержанности, остающийся и ныне непревзойденным образцом сравнительной грамматики.

Естественно, что высокие качества индо-европейского языкознания доставили ему первенствующее положение в науке о языке и что научное исследование других языков и языковых групп производилось по указанному индо-европеистикой образцу, признаваемому идеалом.

Как-бы дополняя и углубляя работу индо-европеистов, исследование языка шло и другими путями.

С одной стороны, увлечение фонетикой имело своим ближайшим следствием возникновение особой дисциплины—т. н. „экспериментальной фонетики", тесно связанной с физиологией, анатомией и физической акустикой, с другой стороны, необходимость для лингвистики, при об'яснении тех или иных языковых фактов учитывать психологический фактор, придала науке о языке психологический уклон. Сближение лингвистики с психологией, все более и более увеличивавшееся, по мере успехов последней, подготовило почву для появления таких трудов, как „*Die Sprache*" [1]) знаменитого немецкого философа и психолога Вильгельма Вундта,—труд, который с равным правом может быть отнесен и к лингвистике, и к психологии.

Историзм и психофизиологический уклон, характерные для лингвистики конца прошлого столетия, в значительной мере унаследованы языкознанием и нынешнего века. Даже и современная нам наука о языке в известной мере обнаруживает эти черты [2]). Однако новая лингвистика, лингвистика двадцатого столетия, если и усваивала более старые теории и методы, то делала это с критикой, со внесением

---

[1]) В 1-м томе его „Völkerpsychologie", вышедшем в 1900 г.; последнее четвертое издание вышло в 1924 г.

[2]) Весьма показательны в этом отношении два Юбилейных сборника в честь известного германиста W. Streitberg'a (кстати сказать, одного из немногих „младограмматиков", еще оставшихся в живых), выпущенных ко дню его шестидесятилетия в феврале 1924 г. Краткая характеристика одного из этих сборников (Streitberg Festschrift. Herausgegeben von der Direktion der vereinigten sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig 1924 г.) данная Р. Шор в журнале „Печать и Революция" (1925 г., книга 4-я стр. 252—253), освобождает нас от этой обязанности. Второй же Юбилейный Сборник, под заглавием „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft (Heidelberg 1924 г.), состоит из 20 статей, из которых 17 посвящены различным отраслям сравнительно—исторического языкознания в пределах индо-европейских языков, две—экспериментальной фонетике (Ed. Sievers'a, Ziele und Wege der Schallanalyse и Fritz'a Karg'a, Sprachwissenschaft und Schallanalyse) и одна открывающая сборник, определяет взаимоотношение индо-европейстики и „общего" языковедения и касается ряда основных проблем последнего (Heinrich F. J. Junker, Die indogermanische und die allgemeine Sprachwissenschaft).

весьма существенных коррективов, и, как это всегда бывает в науке, на почве этой критики выросли новые теории, возникли новые научные течения.

Только что истекшая первая четверть двадцатого века была весьма богата новыми идеями в языкознании. Не имея ни возможности, ни намерения дать исчерпывающего обзора, мы остановимся на тех направлениях лингвистической творческой мысли, которые имеют важное значение и для современной науки о языке.

II.

Во первых, заслуживает внимания идеалистическое направление лингвистики, возглавляемое мюнхенским ученым Карлом Фосслером.

В своих работах *„Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft" (Heidelberg* 1904 г.*)* и *„Sprache als Schöpfung und Entwicklung"* (там же, 1905) названный ученый, не отвергая приложимости исторической точки зрения к явлениям языка, протестует против односторонности лингвистики, которая все свое внимание направляет на изучение внешней стороны языка, игнорируя внутреннюю сторону, как раз более важную, так как именно в ней кроется ключ к уразумению причинной связи языковых фактов.[1] Язык, в понимании Фосслера, воспитанного на идеях итальянского философа Бенедетто Кроче, представляет собой выражение духа, индивидуальную духовную деятельность, искусство [1]), следовательно, история языка является историей искусства в широком смысле слова. Лингвистика вместе с историей литературы составляют часть истории культуры. Настоящей лингвистической дисциплиной он считает только стилистику, т. к. сущностью язык является интуиция [2]). В языке все индивидуально: нет ни общности языка, ни диалектов: сколько индивидуумов, столько стилей. Все изменения, которым подвержен язык, так же исходят от индивидуумов. Если язык тем не менее служит средством коммуникации, то это является следствием общей языковой способности. Каждый индивидуум совмещает в себе два стремления: с одной стороны, стремление социальвого характера—говорить языком окружающей общественной среды, с другой стороны, стремление создать себе свой собственный стиль. Отсюда необходимость рассматривать язык в двух планах: как духовная деятельность индивидуальная, как *Schöpfung*, язык допускает только эстетическую точку зрения; как коллективная духовная деятельность, или как *Entwicklung*, язык может быть

---

[1]) „Sprache ist zunächst eine rein theoretische anschauende und individuelle Tätigkeit, also Kunst" (Sprache als Schöpfung und Entwicklung, p. 18).

[2]) „Das Wesen der Sprache ist innere Tätigkeit: Intuition". (Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft p. 50).

рассматриваем эстетически—эволюционно Выдвигая свою эстетическую теорию в противовес учению позитивистов, „младо-грамматиков", Фосслер вместе с тем определенно высказывается и против психологического уклона лингвистики, так, как психология, наука эмпирическая, исследует человеческий дух, как нечто обусловленное, в то время как он совершенно свободен.

Не признает Фосслер поэтому и *Volkerpsychologie* Вундта с ее пониманием языка, как социально-психического явления. Хотя язык развивается в обществе, однако общество является не причиной развития языка, а только условием. Причина языковых изменений заключена только в автономном духе говорящего индивидуума, вследствие чего история языка тесно связана с историей духа, историей культуры. Исторически изучая развитие какого-нибудь языка, мы вместе с тем узнаем духовную эволюцию народа, носителя этого языка [1]).

Поскольку Фосслер выступал против механизации языковых явлений, поскольку он подчеркивал значение внутренней стороны языка, поскольку, наконец, он пытался сблизить историю языка с с историей культуры, с ним можно было согласиться, но идеалистический и метафизический характер его теории и замена лингвистики єстетикой сделали эту теорию неприемлимой со строго научной точки зрения. Поэтому попытка Фосслера подорвать авторитет „младограмматиков" заранее была обречена на неудачу, и лишь в недавнее время учение Фосслера нашло сторонников [2]), и сам он поэтому решился вновь выступить с трудом *„Geist und Kultur in der Sprache" (Heidelberg* 1295), в котором развивает свои прежние взгляды.

III.

Большее значение имеет другая лингвистическая теория, выросшая также на критике „младо-грамматиков", —теория известного французского лингвиста Фердинанда де-Соссюра, которую мы узнали из его посмертного труда *„Cours de Linguistique générale"*, опубликованного его учениками. [3])

„Курс" де-Соссюра представляет собой не философию языкознания, а скорее методологию, в которой четкое и точное определе-

[1]) Доказательству этого теоретического положения посвящена интересная книга Фосслера Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung (Heidelberg 1913, 2-е издание 1921 г.).

[2]) См. E. Lerch, Die Verwendung des romanischen Futurums als Ausdruck eines sittlichen Sollens, Leipzig 1919, E Lorck, Studien uber Passé défini, Imparfait, Passé indéfini (Germ.-Rom. Monatschrift, VII, 1914), его же, Die Erlebte Rede (Heidelberg 1923), в особенности же Idealistische Neuphilologie Festschrift fur Karl Vossler, Hrsgb· von. V. Klemperer u. E. Lerch (Heidelberg 1923).

[3]) Ferdinand de-Saussure, Cours de Linguistique générale, publié par Charles Bally et Albert Sechehaye (Paris 1922, первое изд. 1916.)

ние основных для лингвистики понятий и разграничение сферы приложения различных точек зрения и методов выдвигаются на первый план.

Исходный пункт де-Соссюра—определение понятия „язык“ [1]). Он различает: 1) „язык или речь вообще“ *(le langage)*, 2) язык в собственном смысле слова *(la langue)* и 3) говорение *(la parole)*. „Язык вообще“ представляет собою чрезвычайно сложное явление, одновременно физическое, физиологическое и психическое, кроме того индивидуальное и в тоже время социальное, [2]) заключающее в себе язык в собственном смысле (*la langue)* и говорение *(la parole)*. Человеку от природы свойственна не „речь вообще“ *(le langage)*, но „способность создавать собственно язык, т. е.—систему отдельных знаков, соответствующих отдельным понятиям“, [3]) при чем природа этих знаков безразлична [4]).

Собственно язык есть только часть „языка вообще“ *(le langage)*; другая часть последнего—говорение *(la parole)*. Отделяя собственно язык от говорения, мы отделяем, отграничиваем социальное от индивидуального, существенное от второстепенного и более или менее случайного [5]). Говорение есть акт индивидуальный, зависящий от воли и мышления говорящего лица. В этом акте нужно различать: 1) „комбинации, при помощи которых говорящий суб'ект пользуется кодексом языка, чтобы выразить свою личную мысль“. 2) „психо-физический механизм, который дает ему возможность выявить эти комбинации“ [6]). Говорение, следовательно, самостоятельного значения не имеет, но происходит только при помощи языка. Язык же может сохраняться у индивидуума, даже лишенного способности говорения, например, у человека, пораженного атактической афазией [7]).

Собственно язык „есть социальная часть языка вообще, внешняя по отношению к индивидууму, который сам не может ни создать, ни изменить его; он существует только в силу своего рода договора, заключенного между членами общины“ [8]). „Язык, говорит в другом месте де-Соссюр, есть одновременно общественный продукт рече-

---

[1]) См. главу III, стр 23—35, кроме того стр 112—113 и 138—140.

[2]) Ibid. p. 25.

[3]) Ibid. p 26. „la faculté de constituer une langue, c'est-a-dire un systéme des signes distincts correspondant a des idées distihctes“.

[4]) Ibid p 26.

[5]) Ibid. p. 30.

[6]) Ibid p 30—31.

[7]) Ibid. p. 31.

[8]) Ibid. p 31· „Elle (=la langue) est la partie sociale du langage, extérieure a l'individu, qui a lui seul ne peut ni la créer ni la modifier; elle n'existe qu'en vertu d'une sorte de contrat passé entre les mémbres de la communauté“.

вой способности и совокупность необходимых условий, принятых обществом с целью дать возможность индивидуумам осуществлять эту способность" [1]).

Таким образом необходимой предпосылкой языка *(la langue)* является говорящая масса *(masse parlante)* [2]); только в ней существует язык, представляющий грамматическую систему [3]).

Но будучи установлением социальным, язык отличается от других установлений социального характера, как, например, от политических, юридических и т. п. [4]). Природа языка особенная, потому, что он представляет собой систему знаков, выражающих идеи, сравнимую с письмом, алфавитом для глухонемых, с символическими обрядами, формами вежливости, военными сигналами и т. д.

Язык—только самая важная из этих систем [5]). Особая наука, которую де-Соссюр предлагает назвать Семиологией (от греч. *semeion*—„знак") должна изучать жизнь знаков на фоне социальной жизни [6]). В эту науку, являющуюся, следовательно, частью социальной (а значит и общей) психологии входит и лингвистика.

Задача лингвиста—определить, что делает из языка особую систему, отличную от других систем знаков. Только тогда получится возможность открыть истинную природу языка [7]).

Из предыдущего вытекает, что исследование языка должно состоять из двух частей: одна часть имеет своим предметом язык, явление социальное по своей сущности и независящее от индивидуума, другая изучает говорение, индивидуальную часть языка вообще [8]). К первой приложим исключительно психологический метод исследования вторая часть может быть изучаема психофизиологически [9]).

Лингвистикой в собственном смысле слова является только та научная дисциплина, единственным предметом, которой служит язык *(la langue)* [10]).

---

[1]) Ibid. p. 25. „C'est (=la langue) a la fois un produit social de la faculte du langage et un ensemble de conventions nécessaires, adoptées par le corps social pour permettre l'exercice de cette faculté chez les individus"

[2]) Ibid p 112.

[3]) Idid. p. 30

[4]) Ibid. p 33

[5]) l. c.

[6]) l c. Семиологию не следует смешивать с семасиологией или семантикой, частью лингвистики.

[7]) Ibid. p 35

[8]) Первая называется „linguistique de la langue", вторая называется „linguistique de la parole".

[9]) Ibid. p. 37.

[10]) Ibid. p. 39.

Но нужно различать кроме того, „внешнюю" *(linguistique externe)* лингвистику и „внутреннюю" *(linguistique interne)*, ибо в языке *(la langue)* имеются элементы внешние и внутренние [1]).

Ведению „внешней" лингвистики подлежат такие вопросы, как, например, отношения между языком и расой, языком и цивилизацией языком и политической историей, географическое распространение и диалектическое дробление языков и т. д. [2]). Признавая известное значение за изучением внешних лингвистических явлений, де-Соссюр, однако, находит, что и без знания их можно обойтись, ибо сущности языка они не касаются. Напр., не зная точно народа, который говорил на зендском языке, мы тем не менее можем прекрасно изучить его систему и пережитые им изменения [3]). Поэтому гораздо важнее „внутренняя" лингвистика, которая имеет своим об'ектом систему языка, его внутреннюю организацию.

„Внутренняя" лингвистика может изучать язык или в горизонтальной плоскости, описывать языковые состояния, или рассматривать язык в вертикальном разрезе, в его последовательном развитии. В первом случае лингвистика является статической или синхронической *(linguistique statique, synchronique)*, во втором-эволюционной *(évolutive)* или диахронической *(diachronique)*.

Так как язык есть система знаков и притом чрезвычайно сложная, и так как многочисленность этих знаков не дает возможности изучать отношения одновременно и в системе, и во времени, то одна лингвистика исключает другую [4]).

Так как говорящему суб'екту все языковые факты представляются сосуществующими, а не последовательными во времени, то синхроническая точка зрения, как соответствующая действительности, имеет преимущество пред диахронической [5]).

Поэтому, например, метод древних „грамматиков" или грамматиков *Port-Poyal'я* по существу статический, является принципиально безупречным [6]). Напротив, лингвист, применяющий диахронический метод, видит пред собой не язык, но ряд фактов, изменяющих последний [7]). Состояние таким путем удается установить лишь фрагментарно и несовершенно. Сравнительное языкознание, усвоившее от Боппа пристрастие к диахронии, очень страдает указанным недостатком [8]).

[1]) Ibid p. 40—43.
[2]) Ibid p 40—41.
[3]) Ibid. p 42.
[4]) Ibid. p. 114—117.
[5]) Ibid p. 117—128.
[6]) Ibid. p. 118.
[7]) Ibid p. 128.
[8]) Ibid. p. 118.

Явление „синхроническое“ не имеет ничего общего с явлением „диахроническим“: первое представляет собою отношение между сосуществующими элементами, второе—субституцию одного элемента другим во времени [1]).

Все, что в языке является диахроническим, делается таковым благодаря говорению *(la parole)*, ибо в говорении находится зародыш всех изменений: каждое изменение исходит от некоторого числа индивидуумов и только после частого повторения и принятия обществом становится фактом языка [2]). Несовместимость синхронической и диахронической точек зрения с наибольшей убедительностью доказывается тем, что факты синхронические представляют известную закономерность, но не имеют императивного характера, между тем, как факты диахронические, напротив, обладают этим характером императивности, но являются изолированными и не заключают в себе ничего общего, и, следовательно, ни те, ни другие факты не управляются законами, хотя в лингвистике принято говорить о законах языка [3]).

Дело в том, что законы языка, установления социального, должны быть императивными и общими, подобно всякому социальному закону [4]), а законы языка этим обоим условиям одновременно не удовлетворяют.

Таковы даже фонетические законы, в которых якобы особенно проявляется незыблемость и точность. Например, для древне-греческого языка действует „закон“ превращения индо-европейских звонких аспират в глухие аспираты (так, *bhero—phéro; dhumos—thumos; angho—ankho*).

„Однако, каково бы не было число случаев, где фонетический „закон“ оправдывается, все охватываемые им факты суть не что иное, как проявление только одного отдельного факта, говорит де-Соссюр, [5]), „закон“ этот касается лишь одной определенной фонемы, факта, следовательно, изолированного, независимого от других случаев того же порядка, независимого и от слов, в которых он имеет место [6]).

Далее, де-Соссюр переходит к изложению основных вопросов синхронической лингвистики, при чем, анализируя понятие „язык“, он приходит к выводу что „язык—есть форма, а не субстанция“ [7]).

---

[1]) Ibid p. 129.
[2]) Ibid. p. 138.
[3]) Ibid. p. 134.
[4]) Ibid. p. 130
[5]) Ibid. p 133.
[6]) l. c.

[7]) Заслуживает внимания тот факт, что сейчас в Германии философия занимается, языком как первой и важнейшей из „символических форм“ (См. E Cassirer, Philosophie der symbolichen Formen, Teil I Die Sprache, Berlin 1923 г.), а в немецкой лингвистике на первом плане стоит проблема отношения формы и содержания (das Problem des Verhältnisses von Gestalt zu Gehalt) в языке, о чем см. статью Heinrich' F I. Iunker'a, Die indogermanische und die allgemeine Sprachwissenschaft в Stand und Aufgaben der Sprachwissenchaft, Festschrift fur Wilhelm Streitberg (Heidelberg 1924) p. 4 sqq.

Исследуя языковое состояние *(un état de la langue)*, мы должны иметь в виду два рода отношений, на которых это языковое состояние базируется· во-первых, синтагматические отношения, во-вторых, ассоциативные. Во время речи слова следует друг за другом, и комбинации, основанием которых служит протяжение могут быть названы „синтагмами" [1]). С другой стороны, вне речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти и составляют тот запас, который и образует язык каждого индивидуума [2]).

Оба рода отношений находятся во взаимодействии. Например, слово *dé—faire* мы можем считать синтагмой и поместить на горизонтальной линии произносимого ряда, но в то же время существует оно и в нескольких ассоциативных (вертикальных) рядах нашей памяти, как например, в ряду: *faire, re—faire, contre—faire* и т. д. в ряду *dé—coller, dé—placer, dé—coudre* и т. д. [3]).

Чем связь обоих отношений теснее, тем меньшей произвольностью отличается знак языка. На этом основании можно различать языки „лексикологические", в которых произвольность языкового знака достигает максимума и „грамматические", обладающие минумом этой произвольности. Яркий пример „ультра-лексилогического" языка представляет китайский язык, образцом же ультра-грамматического языка является санскрит [4]).

Статическую лингвистику или описание состояния можно назвать грамматикой. Она изучает язык, как систему средств выражения [5]), а потому грамматика может быть только синхронической, но не „исторической". „Для нас, говорит де-Соссюр, „исторической граматики" не существует; то, что называют этим именем, в действительности—не что иное, как диахроническая лингвистика" [6]).

Если традиционные деления грамматики имеют практическое значение, то с научной точки зрения они непригодны. С лингвистической точки зрения, грамматика должна подразделяться не на морфологию и синтаксис, а на теорию синтагм и теорию ассоциаций, ибо только разграничение отношений синтагматических и ассоциативных дает основание для классификации и может стать базой грамматической системы [7]).

---

[1]) F. de-Saussure, op. c. p 170 „combinaisons qui ont pour support l'étendue peuvent etre appelés syntagmes". Примеры· la vie humaine, s'il fait beau temps, nous sortirons и т д

[2]) Ibid p 171. Примеры enseignement связывается с enseigner, renseigner и т. п. с armement, changement наконец с éducation, apprentissage и т. п

[3]) Ibid p 177—178

[4]) Ibid p. 183.

[5]) Ibid p 185.

[6]) 1 c

[7]) Ibid p. 188

Диахроническая лингвистика, изучающая язык в его развитии, в его изменениях, прежде всего должна остановить свое внимание на эволюции звуков. „Фонетика, вся целиком, есть первый об'ект диахронической лингвистики", говорит де-Соссюр [1]).

В отличие от фонетики, которая может быть, следовательно, только исторической, описание звуков известного состояния какого нибудь языка де-Соссюр называет фонологией [2]). Он останавливается затем на вопросе о причинах и следствиях звуковых изменений. Как на причины звуковых изменений указывали расовое предрасположение, влияние географических условий (климата, почвы и т. д.), удобство и легкость произношения, условия воспитания детей, политические и социальные отношения, „предшествующий лингвистический субстракт". *(substrat linguistique antérieur)* и т. д. [3]).

Не отрицая роли некоторых из указанных факторов, особенно удобства и легкости произношения [4]) де-Соссюр в общем не придает им большого значения, т. к. влияние их трудно уловимо.

Следствием звуковой эволюции языка являются весьма значительные изменения грамматики—разрушения грамматических связей [5]).

В противоположность разрушительной работе фонетических изменений, вносящих в язык хаос, в языке имеется фактор, оказывающий упорядывающее действие, восстанавливающий таким образом равновесие. Это—аналогия [6]). Аналогия принцип психологического порядка, даже грамматического, т. к. предпосылкой ее является сознание отношения, об'единяющего формы между собой [7]). Аналогию реализует говорение *(la parole)*, но потенциально образование по аналогии существует уже ранее, существует в языке [8]).

Таким образом, язык во времени меняется. От времени происходит и дифференциация языков. „Географическое различие только вторичный аспект общего явления", неустойчивости языка, происходящий исключительно от времени [9])·

---

[1]) Ibid. p. 194.

[2]) Ibid p. 194.

[3]) Ibid. p. 202—208.

[4]) Ibid. p 204 „la loi du moindre effort".

[5]) Ibid. p. 210.

[6]) Ibid. p. 221.

[7]) Ibid p. 226. формула· oratorem: orator—honorem· x. x—honor.

[8]) Ibid. p. 227. Так, например, появление в языке слова in—dé cor—able возможно потому, что в языке оно потенциально существует уже ранее, ибо все его элементы можно найти в таких синтагмах, как décor—er, décor—ation: pardonn—able, mani—able in—connu, in—sense и т. д.

[9]) Ibid. p. 272.

Распространение фактов языка подчинено тем же законам, каким и всякий обычай, например, мода. В человеческой массе борются две одновременно действующие силы: с одной стороны, дух партикуляризма, „*l'esprit de clocher*," с другой—влияние сношений, „*la force d'inter course*" [1]). Последний фактор способствует распространению и целостности языка. Он может действовать двояким образом: то действие его отрицательно, когда, предупреждая диалектическое дробление, он заглушает нововведение, появившееся где либо; то это действие положительно, когда, благоприятствуя единству, он принимает и распространяет это новшество [2]).

Вторая форма действия фактора „интеркорса" оправдывает слово „волна" [3]) для обозначения географических границ какого-либо диалектического факта: исоглоссематическая линия подобна крайней черте разлива, который может распространяться и отступать [4]).

Таковы основные черты теории де-Соссюра. В ней особенно важны три момента: во-первых, разграничение, проведенное между языком и говорением, во-вторых—подчеркивание социальной природы языка в противоположность индивидуальному характеру говорения, и, в-третьих, перенесение центра тяжести лингвистического исследования на изучение языковых состояний, на изучение языка, как системы.

Влиянию де-Соссюра следует поэтому приписать не только усиление интереса к синхроническому изучению языка [5]), но и характерный для современной лингвистики социологический уклон, особенно ярко выраженный в работах французских ученых [6]), а также

[1]) Ibid p 281

[2]) Ibid p. 282

[3]) Ibid p 277 Де-Соссюр употребляет еще название ondes d'innovation—„волны новизны".

[4]) Ibid p 282 Де-Соссюр является, таким образом, сторонником Wellentheorie, наиболее подробно развитой Iohann'ом Schmidt'ом в его труде Die Verwahdtschaftsverhaltnisse der Indogermanen (Weimar 1872), но впервые намеченной Hugo Schuhardt'ом в его работе „Vokalismus des Vulgarlateins" Leipzig 1866—1868, 3 Bd.

[5]) Отсюда особое увлечение синтаксисом и стилистикой, замечаемое в различных странах Запада и в СССР (напр. Русская речь, Сб под ред Л. В. Щербы, Петроград 1923 г. Г. Винокур, Культура языка, Москва 1925)

[6]) См. работы Charles' я Bally (Le langage et la vie, Genève—Heidelberg 1913) Albert'a Sechehaye (Programme et méthodes de la linguistique théorique 1908 Les régles de la grammaire et la vie du langage (Germ —Rom Monatsschift VI (1914) p 288 sqq 341 sqq) I. Vendryes, Le langage (Paris 1922, passim), особенно p. 246 sqq, 257 sqq, 261 sqq. и Antoine Meillet, Linguistique historique et linguistique générale (Paris 1921) passim, особенно же статьи „Comment les mots changent de sens" и „Differenciation et unification dans les langues" (там-же), а также его Введение в сравнит грамматику индо-европейских языков. Перевод Кудрявского, Юрьев 1914, p 2 и 139 Кроме того Schrijnen, Einfuhrung in das Studium d. indogerm. Sprachwissenschaft. Leipzig 1921, p 102—123, и Sapir, Language, New-Iork 1921

принятое особенно в немецкой лингвистике, в ее систематике отделение языка от говорения [1]).

IV.

Из Франции же идет и другое течение новой лингвистики, неразрывно связанное с созданной там-же „Лингвистической географией" [2])

Глава этого направления, создатель указанной отрасли науки о языке, творец прославленного „Лингвистического атласа Франции" [3]), Iule Gilliéron [4]) исходным пунктом своих исследований делает факты живого языка во всем его диалектическом многообразии и на этом богатом языковом материале строит свои выводы и обобщения, устанавливает лингвистические принципы.

Лингвистическая география показала прежде всего—и в этом ее важнейшая заслуга,—что историческое языкознание значительно упрощало и, следовательно, искажало ту картину жизни языка, какая в действительности наблюдается [5]). При об'яснении этого многообразия, открывающегося в изучении народных говоров, прежние принципы звуковых законов и действия аналогии оказываются часто недостаточными, бессильными Фонетические законы оказываются, по выражению Gilliéron'a фонетическими миражами *„mirages phonétiques"* [6]) и базирующаяся на этих законах этимология терпит крах *„la faillite de l'étymologie phonétique"*.

По мнению Gilliéron'a, каждое звуковое изменение имеет силу не для всех слов, находящихся в том же положении; каждое слово имеет свою собственную историю, которая должна быть тщательно

[1]) Еще F N Fink (Die Aufgabe und Gliederung der Sprachw p 2, Halle 1905) различал в имеющем много разных значений слове Sprache, значение Sprechen, как деятельности и Sprache, как совокупности средств выражения, затем Vossler —1) Sprache als Schopfung и 2) Sprache als Entwicklung. Ныне в системе лингвистического исследования считаются необходимыми подразделения науки о языке на 1) Sprechkunde, в котором язык трактуется als Gestaltung, als Schopfung und in ihrer Anwendung и 2) Sprachkunde, в котором язык рассматривается, как форма (Gestalt), как созданное, как продукт культуры (см Heinrich F I Iunker, op c p 17 sqq)

[2]) О лингвистической географии см. Albert Dauzat La géographie linguistique (Paris 1922).

[3]) Atlas linguistique de la France (Paris 1900—1912), изданный Gilliéron'ом вместе с Edmont'ом

[4]) См. его труды L'aire clavellus (1912), Pathologie et thérapeutique verbales (4 fasc· Paris 1915—1921), Généalogie des mots qui ont designé l'abeille (Paris 1918), La faillite dé l'étymologie phonétique (Paris 1919) и друг в сотрудничестве с I. Mongin'ом, Étude de géographie linguistique „Scier" dans la Gaule Roman du Sud et de l'Est (Paris 1905) с Roques'ом, Etudes de geographie linguistique (Paris 1912)

[5]) A. Dauzat, op c p. 46, Iorgu Iordan, Der heutige Stand der romanischen Sprachwissenschaft (в „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, Festschrift fur Wilhelm Streitberg Heidelberg 1924)

[6]) См. A. Dauzat, op c. p 47 sqq.

исследована. Тут именно вступает в свои права лингвистико-географический метод, дающий возможность проследить историю слова в конкретной обстановке, учитывая при этом, как внутрение условия, имма, нентные языку (напр. роль формы в эволюции слова), так и внешние-социальные и географические в тесном смысле слова.

На таком материале и таким способом лингвистическая география пытается установить законы, которым подчиняется жизнь языка. На трансформацию языка влияют с одной стороны факторы болезнетворные, с другой—оздоравливающие.

К категории болезнетворных относятся звуковые изменения, производящие на слова разлагающее действие: слово, редуцированное в звуковом отношении, или исчезает [1]), или остановится созвучным с другим словом (омоним). Такие созвучные слова, как французские *la livre* (фунт) и *le livre* (книга), отличающиеся родом, как *champ* и *chant* слова различающиеся орфографически, обыкновенно в языке сохраняются, т. к. омонимия здесь терпимая (*tolerable*).

В случае же такого звукового совпадения двух слов, которое делает их неразличимыми, т. е.—когда омонимия невыносима *(intolerable)*, обычно один из омонимов вытесняется и исчезает. Примером может служить латинское слово *mulgere* (доить), сохраненное на югэ Франции, между тем, как на севере оно всюду исчезло, заменившись словами *traire*, *tirer* и др., так как здесь латинское *mulgere*, превратившись в *moudre* составило бы невыносилую омономию к *moudre* происходящему от латинского *molere* и означающему „молоть“ [2]).

Кроме омонимии, также полисемия вносит в язык путаницу и беспорядок. Поэтому губительное действие на слова оказывает т. н. Gilliéron'ом „семантическая гипертрофия“, следствием чего является исчезновение такого „больного“ слова, хотя предварительно оно может измениться фонетически и этим временно сохраниться, Так, например: на севере Франции *vaisseau*, получившее значение *„essaim“* (рой, напр. рой пчел), изменилось в *maisseau* под влиянием слова *mouche*, а затем исчезло.

Против указанных патологических явлений в языке действуют другие факторы, оказывающие исцеляющее, теравпетическое влияние, вследствие чего Gilliéron имеет основание употребить выражение *„pathologie et thérapeutique verbales“* [3]). Среди этих факторов особенно важное значение, по мнению Gilliéron'a, имеет т. н. народ-

---

[1]) Пример французско-провансальское ève, èva (из лат. aqua) исчезает, не будучи в силах сопротивляться acqua (итальянское), пришедшему с востока, провансальскому aiga, явившемуся с юга, и еаи соверному, парижскому (см. A Dauzat, op c. p. 92-93)

[2]) См A Dauzat, op c p 95

[3]) См. A Dauzat, op. c. p 83—95

ная этимология. Gilliéron полагает что народная этимология распространяет свое действие не только на редкие, технические или иностранные слова, как гласит обычное мнение языковедов, усвоивших механистическую точку зрения „фонетистов", но действует в языке всегда и везде, внося в него ясность и часто защищая слова от разрушительного влияния звуковых изменений. Так, например, французское *fermer* (запирать), происходящее от латинского *firmare* подвлиянием народной этимологии, сблизившей *fermer* с *fer* (из лат. *ferrum*), получило значение „запирать железным засовом", а потом вообще „запирать" [1]).

Таким образом, жизнь языка представляет собой непрерывную борьбу здоровых начал против болезнетворных, борьбу, в которой обнаруживается стремление языка к ясности и к четкости, к устранению фонетических и семантических коллизий. Это стремление проявляется одинаково и в народных говорах *(patois),* и в языке литературном в широком смысле слова. Менее чувствительный к омонимии (как язык письменный, имеющий в орфографин важное средство для различения созвучных слов), литературный язык, однако, больше страдает от „семантической гипертрофии".

Многообразие языка происходит не только от действующих внутри его сил, но также и под влиянием вне его лежащих факторов, этнических, социальных, политических и т. д.

Поэтому лингвистическая география внимательно изучает также и эти внешние условия развития языка [2]).

Лингвистическая география не исключает таким образом, истории языка; напротив, многократно перекрещиваясь, они углубляют друг друга в различных отношения [3]).

Если теория Gilliéron'a не свободна от некоторых недостатков, каковы, напр., преувеличение роли омонимии и народной этимологии, слишком рационалистическая концепция языка, склонность к употреблению медицинских терминов, однако, созданием лингвистико-географического метода он дал науке о языке чрезвычайно важное средство для изучения биологии языка. Поэтому отрицающим значение лингвистической географии можно возразить словами Gilliéron'a: *En voulant soustraire la linguistique a l'examen de la géographie on la diminue d'une facteur puissant—le plus puissant peut—etre qui peut lui donner le droit d'etre considérée comme un veritable science*" [4]).

[1]) Gilliéron, Pathologie et thérapeutique verbales, III p 20 sqq

[2]) См об этом подробнее у A Dauzat, op. c 133 sqq.

[3]) См у Dauzat, op c p. 27. „La geographie linguistique a pour but essentiel de reconstituer l'histoire des mots, des flexions, des groupements syntaxiques d'apres la répartition des formes et des types actuels".

[4]) Gilliéron, Pathologie et thérapeutique verbales II, p 10.

V.

На ряду с указанными направлениями в науке о языке существует еще одно, идущее несколькими руслами, течение, которое по своему основному пути может быть названо „культурно-историческим".

Самое старое русло принадлежит т. н. лингвистической палеонтологии, ставящей своею задачею при помощи лингвистических данных в соединении с археологическими и этнографическими восстановить картину доисторической культуры т. н. индо-европейского пранарода [1])

Что интерес к этого рода лингвистическим изысканиям, идущим со времени А. Куна, не ослабел и в современной лингвистике, показывает выпуск нового издания *„Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde"* Отто Шрадера, под редакцоей A. Nehring'a [2]) и появление такого труда, как *„Reallexicon der Vorgeschichte"* М. Эберта [3]), в котором языкознанию отведено очень важное место.

Второе русло названного течения науки о языке может быть названо „реальным" (от лат. *res* — вещь, нем. *Sache*), так-как своей задачей, оно ставит исследование слов в тесной связи с вещами, ими обозначаемыми.

„Worter und Sachen" — заглавие работ R. Meringer'a [4]) и журнала, издаваемого им вместе с W. Meyer-Lübke [5]) — является вместе с тем лозунгом, об'единившим довольно значительную группу лигвистов, в числе которых имеются столь крупные ученые, как Hugo Schuhardt.

Третье и новейшее русло, примыкающее к двум первым,— яфетидология, яфетическое языкознание, создателем которого является наш русский ученый, известный знаток кавказских языков, акад. Н. Я. Марр.

Он ставит новой отрасли языкознания чрезвычайно широкие задачи и при том не только лингвистические, но и культурно-исторические с уклоном в доисторию. „С яфетическим языкознанием и его теорией, говорит акад. Н. Я. Марр [6]), мы сосредоточиваемся не на одной речевой стороне человеческой культуры. Вопрос идет не об языке, далеко не об одном языке, но и о вещах, о вещах материальных, об'ективно существующих в природе или существующих в ней же по представлению человека.

---

[1]) См. О. Шрадера, Индо-европейцы. Перевод Ф. И. Павлова, под ред. и со вступ ст А. Л Погодина СПБ 1913, стр. 34—41.

[2]) Leipzig, Bd. I, 1917—1922, Bd. II, 1923—1926 г.

[3]) Reallexicon der Vorgeschichte Unter Mitarbeit zahreicher Fachgelehrter hrsgb von M. Ebert, Bd I—VI, Leipzig 1924—1926, Bd. VII, Lief. I, 1926.

[4]) В журнале Indogermanische Forschungen, Bd XVI—XIX и XXI.

[5]) Worter und Sachen, Kulturhistorische Zeitschrift fur Sprach—und—Sachforschung hrsgb. von R. Meringer und W Meyer-Lubke, Heidelberg с 1903 г.

[6]) Акад. Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Москва 1924, стр. 3.

Ведь для человечества существует лишь то, что оно осознало или осознает. Элементарно, что у доисторического человека осознание вытекало не из точных, исторически приобретенных впоследствии знаний материальной сущности предмета, а оно возникало и двигалось вперед от восприятия природным инстиктом видимости предмета, видимости соотношений предметов, силой воображения и в образах раньше, чем в отвлеченных самостоятельно выкристаллизовавшихся понятиях.

Доисторический язык это особое лишь доисторическое общественное мышление, это доисторические верования и эпос, доисторическое художественное творчество, доисторические формы хозяйственной жизни и продукции. Следовательно, языкознание, которое вскрывает нам своей палентологией такое доисторическое состояние человеческой речи до стадии развития, когда слово и вещь вскрываются образно покрывающими друг другу в общественном мнении, когда шло буквально мифотворчество, т. е. творчество со словом и сказания в образах, мифах,—это языкознание есть не только этнология, ее существенная часть, но и важнейшая часть археологии, археологии не в смысле науки о старье хотя-бы старине и древностях, а науки о началах, как то значит греческое слово *arché*, при чем яфетическая палеонтология речи нас уводит далеко за пределы времени, вскрываемые рукотворными памятниками материальной культуры, до появления древнейших из них в мире.

Человек мыслил, образуя еще стадное общество, на грани с общественностью животных, не творя еще вещей, а лишь используя дары природы в готовых формах. Человек еще тогда обладал речью, зачатками звуковой речи".

Из приведенных слов, намечающих основные пункты программы яфетического языкознания, ясно, какая важная роль в нем предназначается палеонтологии. И применение ее облегчают особенности яфетических языков, таящих в себе пережитки первобытного состояния и в речи, и в культуре. Эти языки дают палеонтологическую перспективу, несравнено более глубокую, чем та, какую представляют индо-европейские языки, сравнительно новые, не дающие поэтому возможности проследить этапы доисторического развития речи.

В противоположность индоевропеистике с ее единым праязыком яфетическое языкознание признает изначальное множество языков, различных в звуковом отношении, но имевших общую типологию и семантику речи, т. е. построение речи и в ней осмысление немногих находившихся в распоряжении племени слов [1]).

Отсюда особо важная роль семантики или семантической палеонтологии в яфетическом языкознании. „Индо-европейская семантика,

[1]) Указ. соч. стр. 3—4.

говорит акад. Н. Я. Марр [1]), обоснована на об'яснениях житейского, порою исторического характера, в пределах логических связей, отвлеченных. Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически сложившихся социальных условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими отвлеченными теоретическими постройками, оказывающимися в основе воздушными законами, ни с нашими материальными восприятиями, анахронически переносимыми на общественноэ мышление доисторического человека. Общественный строй человечества, однако, разного типа в различные стадии развития и в доисторические эпохи. Есть эпоха этнического словотворчества, есть эпоха ему предшествующего космического, когда звуковых слов так мало, при том означавших конкретно в живых образах воспринимаемые космические силы, что ими выражали множество, осознавшихся постепенно в своем самостоятельном бытии существ. В противовес привычной нам с исторических эпох ассоциации идеи происходила диссоциация идеи — выделение из единого общевоспринимаемого образа отделившихся уже в сознании частных его видов, или мифологических перемещений Так, напр., выясиилось, что птицы воспринимались как „небо", как его часть, его долевая эпифания, и потому оказалось, что название птиц, как выясняет яфетическая палеонтология, как общие, так частные или видовые означают, собственно, „небо", „небеса", лишь впоследствии по выработке уменьшительных форм „небесята" [1]).

В другом месте той же статьи [3]), как одно из основных положений яфетического языкознания выставляется утверждение, что язык не только орудие исторической общественности, но он—создание доисторической и прото-исторической общественности.

Отсюда—вывод, что в формах грамматических категорий и еще ярче в семантике язык отражает строй общественности этих весьма далеких, доисторических эпох.

И типологические трансформации языка обязаны своим происхождением изменениям общественно-хозяйственных условий. Т. н. индоевропейские языки также представляют собой особую именно топологическую трансформацию, происшедшую под влиянием социально-экономического фактора.

---

[1]) Указ соч. стр. 35.

[2]) См по этому вопросу ст. акад. Н. Я Марра „О небе", как гнезде празначений" „Из семантических дериватов „неба"; Яфетические переживания в клас яз и „вера" в семантическом кругу „неба" в Докладах Росс Акад. Наук, лит. В. 1924, январь—март, стр. 23—31.

[3]) Яфетич. теория стр. 14.

„Индо-европейские языки, говорит акад. Н. Я. Марр [1]), составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть, и в сопутствии привходящих пермутаций физической среды; индо-европейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморьи—своих или местных, на определенной стадии их развития в общем новая по строю формация".

Таким образом, происхождение и развитие языка, в понимании акад. Н. Я. Марра, находится в тесной связи не только с общественным строем человечества, но и экономическим базисом, на котором выростает и складывается социальная структура.

Как ни спорны некоторые чисто лингвистические принципы яфетического языкознания, порою резко расходящиеся с твердо установившимися в науке о языке взглядами, теория акад. Н. Я. Марра приобретает особую ценность своим максистским освещением эволюции языка и языковых явлений.

Таковы основные пути лингвистической научной мысли за недавно истекшую первую четверть двадцатого века.

VI.

Наш обзор, конечно, далеко не полный, все же достаточен для того чтобы показать состояние современной лингвистики. Какую же картину мы видим пред собоой.

Можно-ли вместе с Г. Винокуром [2]) сказать что „мы присутствием при подлинном кризисе лингвистического знания", или, что индо-европейстика зашла в тупик, как утверждают акад. Н. Я. Марр [3]) и вслед за ним Р. Шор? [4]), или, быть может, тревоги за будущее лингвистики неосновательны и, напротив, состояние современной науки о языке таково, что открывает пред нами новые порспективы. Нам кажется, что последний взгляд—единственно правильный, и вот по каким соображениям.

---

[1]) Н. Я. Марр, Индо-европейские языки Средиземноморья, в Докладах Росс. Акад. Наук, Лит. Б. 1924, стр. 6; Яфетич теория, стр. 4.

[2]) Г Винокур Культура языка Очерки лингвистической технологии Москва 1925, стр. 9.

[3]) Яфетическая теория стр. 37.

[4]) Печать и Революция, 1926 г. книга 2-ая (Москва 1926), рецензия на книгу Les Langues du Monde sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen (Paris 1924), стр. 203.

„О подлинном кризисе лингвистического знания" серьезно говорить, понятно, не приходится, т. к. такое мнение опровергнуто уже нашим предшествующим изложением и противоречит истинному положению вещей. Неужели труды de-Saussure'a, Meillet, Gilliéron'a, Vendryes, H. Schuhardt'a, Iespersen'a и многих других не доказывают как-раз обратного,—что наука о языке идет вперед, совершенствуется Нельзя согласиться с утверждениями тех, которые считают, что индо-европейстика зашла в тупик, или что „на пути сравнительной грамматики индо-европейских языков делать больше нечего" [1]).

Ведь несостоятельность лингвистики констатируется и акад. Н. Я. Марром только в области глоттогонии и доисторической эволюции языков, т. е. именно в таких областях, которые, по мнению большинства лингвистов, вовсе не подлежат ведению чистого языкознания, ибо работа исследователя здесь обречена заранее на неудачу вследствие невозможности по существу самого материала притти к определенным выводам научного значения [2]).

Второе же утверждение, лучше всего опровергается словами одного из столпов индо-европейстики Antoine'a Meillet *„Le travail qui reste a faire est immense, et il ne pourra être fait que si des resources considérables sont mises aux mains des linguistes* [3]).

Индо-европейсты сами прекрасно сознают все присущие их области языкознания недостатки и несовершенства, большею частью обусловленные свойствами подлежащего их изучению материала, но в тоже время справедливо могут гордиться своими успехами, представляющими пока недостижимый идеал для лингвистов, работающих над изучением многих других языковых групп [4]), что признают даже принципиальные противники индо-европейстики [5])

Единственный факт, который может показаться тревожным симптомом,—это обилие теорией в новейшей лингвистике. При первом взгляде, пожалуй, может мелькнуть мысль о каком-то методологиче-

---

[1]) Г. Винокур, ук соч стр. 9—10.

[2]) Современная „чистая" лигвистика, идя по стопам „младо-грамматиков", вообще чуждается широких обобщений и глоттонических теорий, против чего восстают некоторые лингвисты (меньшинство), как, напр., известный датский языковед Otto Iespersen, упрекающай новейшую лингвистику в отсутствии широты взглядов (Language. its nature, development and origin, London—New-Iork 1922, третья перепечатка 1925, p 99: „Breadth of vision is not conspicuous in modern linguistics")

[3]) Les Langues du Monde par une groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marsel Cohen (Paris 1924) Ср также „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, Festschift fur Wilhelm Streitberg, passim, особ. статью Heinrich'a F. I. Iunker'a (уже цитированную).

[4]) Ibid p. 16—17.

[5]) Акад Н Я Марр. Яфетическая теория, стр 2

ском шатании, о каком-то внутреннем разладе. Однако, при более пристальном рассмотрении, картина меняется. Стоит только учесть следующие моменты. Прежде всего, историческое языкознание по-прежнему занимает весьма важное место [1]), но рядом с ним приобретает значение и статическая лингвистика, занимающаяся изучением современных языковых состояний [2]). Далее, историческая точка зрения сама по-себе настолько широка, что легко допускает различные уклоны — в сторону культуры, географической среды, социальной среды и т. д., и метод исторический легко превращается таким образом в культурно-исторический, историко-географический, историко-социологический и т. д.

Мы имеем, следовательно, здесь не ряд различных методов, а лишь разновидности одного основного исторического метода, такие же разновидности, какою является сравнительно-исторический.

В зависимости от того, какую сторону сложного исторического процесса мы желаем подчеркнуть, при изучении языковых фактов с одной и той же исторической точки зрения, мы применяем то одну, то другую разновидность исторического метода. Разнообразие методов оказывается, следовательно, мнимым.

Наконец, рассмотренные выше лингвистические теории, при всем их расхождении в частностях, оказываются, однако согласными в нескольких весьма важных, основных моментах.

Во-первых, в противоположность механистической точке зрения „младо-грамматиков" подчеркивается единодушно значение в языке психического фактора.

Во-вторых, обращается особое внимание на значение, на внутреннюю сторону языка, которою мало интересовалась „младо-грамматическая" школа языковедения.

В-третьих, при об'яснении языковых фактов выдвигается социологический фактор.

И теории акад. Н. Я. Марра, стоящей, правда, особняком, также не чужды эти черты, а социологизм углублён у него марксистским освещением.

Таким образом отпадает и последний аргумент, который мог бы служить доказательством упадочности лингвистики, и все тревоги за будущее науки о языке ничем не оправдываются.

---

[1]) Это доказывает появление таких трудов, как A Meillet, Le slave commun (Paris 1924), Langues du Monde sous la direction de A. Meillet et Marsel Cohen (Paris 1924), а также беглый взгляд на многократно цитированный Юбил. Сборник в честь W Streitberg'a „Stand und Auf'gaben der Sprachwissenschaft"

[2]) Статической лингвистикой занимаются особенно ученики K Vossler'a в Германии и ученики F de-Saussure'a во Франции и Швейцарии В СССР сюда относятся напр Сборн—„Русская Речь" под ред Л. В. Щербы; Г Винокур, Культура языка.

Но имеются ли основания полагать, что пред современной лингвистикой открываются какие-то новые перспективы? Первым основанием может служить то богатство идей, то обилие творческой энергии, тот неутомимый дух исканий, которые характерны для новейшей лингвистики и которые вместе с тем показывают ее полную жизнеспособность.

Ведь жизнь всякой науки в том и заключается что без конца встают в ней новые проблемы, появляются новые попытки их разрешения, возникают новые идеи и гипотезы.

Однако наш оптимизм исходит не только из веры в творческую силу научной мысли и бесконечный прогресс науки.

Гораздо важнее наличность здоровых начал в новейших лингвистических теориях. Одним из этих здоровых начал является социологической уклон современной лингвистики. Однако, этот социологизм сам по-себе бессилен двинуть науку о языке вперед и открыть для нее широкие перспективы.

Для этого он нуждается в помощи марксизма. Вот почему введение акад. Н. Я. Марром в лингвистику марксистской точки зрения—факт чрезвычайной важности.

Слишком долго лингвистика, наука по существу своему социально-историческая, чуждалась марксизма, сделавшегося основой истории и социологии, и совсем ненормальным было положение, при котором марксисты—обществоведы, касаясь той или другой лингвистической проблемы, имеющей непосредственную связь с областью их научной компетенции, были предоставлены большей частью своей собственной изобретательности и находчивости. Так напр., рассматривая весьма интересный вопрос о происхождении человеческого языка, обществоведы могли сослаться лишь на труд Людвига Науре „Происхождение языка [1]), а желая нарисовать ход развития языка в связи с социально-экономической эволюцией человечества, дальше общих схем и общих рассуждений [2]) не шли, и не могли итти, не имея опоры в трудах лингвистов, которые рассматривали факты языка изолированно, вне связи с социально-экономической структурой общества. Таким обра-

[1]) Ludwig Noiré, Der Ursprung der Sprache, Mainz 1877

[2]) См. Плеханов Основные вопросы марксизма стр 57. Петрогр 1917 г Бухарин, Теория исторического материализма Харьков 1922 г. стр. 191, Кушнер, Очерк развития общественных форм Москва 1924 стр 57, Максимов, Введение и изучение марксизма. вып. II Ленинград, 1924 г стр 32—33. Заслуживает внимания тот факт, отмеченный Плехановым (ук м.), что Нуаре свой взгляд основывал не на теории Маркса, с которой не был вовсе знаком, а на мысли Фейербаха о социальной сущности человека.

[3]) См. напр. Богданов Наука об общественном сознании. 3-е издание М—П. 1923 г стр. 82—82, 114—115; 142—143. Бухарин, ук соч. стр 192; Максимов, ук соч стр 33 -35.

зом, с одной стороны, марксисты—обществоведы трактовали лингвистические проблемы без всякой прочной лингвистической базы или на основе сомнительного с лингвистической точки зрения материала, в результате чего их построения и выводы часто оказывались мало обоснованными или построенными на песке, а, с другой стороны, языковеды, пред которыми стояла задача дать об'яснение известным языковым фактам, вынести решение тем или другим языковым проблемам, не удавалось найти нужное освещение, потому что им была чужда марксистская точка зрения. Понятно обе стороны оставались в убытке. Но сейчас ситуация эта, повидимому, меняется. Образец марксисткого освещения лингвистических проблем специалистом—языковедом дан в работах акад. Н. Я. Марра. Если по самому существу затронутых вопросов названый ученый мог применить марксисткий подход лишь к ограниченному кругу языковых фактов, преимущественно, в области „семантической палеонтологии", то, очевидно, остается распространить марксистское освещение и на другие области обширной науки о языке. Эта работа, думается нам, является очередной задачей научного языкознания, современной лингвистики [1]).

Марксистская точка зрения должна найти себе применение, понятно, прежде всего в историческом языкознании: история языка должна отныне изображать развитие языка, не как изолированную эволюцию языковых фактов, вырванную из общего исторического процесса, но непременно в тесной связи с последним, на фоне его, как отражение изменяющихся во времени социально-экономических условий жизни человеческого общества.

Так как современная лингвистика трактует язык социологически, то необходимо эту лингвистическую социологию перестроить на марксистском фундаменте, в связи с чем и социальная диалектология, в последнее время сделавшаяся предметом серьезной научной разработки [2]), должна получить новые точки опоры и исходные пункты для исследования.

Необыкновенно плодотворным должен оказаться марксистский подход к фактам языка в области семантики и лексики, т. к. не только значение слова, смысл, вкладываемый коллективом в звуковой символ,

[1]) Эта общая задача науки о языки, понятно, не исключает тех частных задач, которые стоят перед тем или иным отделом этой науки, о чем см. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, passim

[2]) См напр работу L Sainéan'a, Le langage parisien au XIX-e siecle Paris 1920, в которой он пытается установить вклад различных классов и сословий в общую сокровищницу народного говора Парижа; работы A. Dauzat, Les argots de métiers franco-provençaux, Paris 1917, и L'argot de la guerre, Andre Mazon, Lexique de la guerre et de la Révolution en Russie 1914—1919, Paris 1920 Mausser'a, Deutsche Soldatensprache, ihr Aufbau und ihre Probleme, Strassburg 1917, L. Gunther, Die deutsche Gaunersprache und verwandte Geheim-und-Berufssprachen, Leipzig 1919.

зависит от социально-хозяйственного строя и его перемен, но и возникновение новых слов, обогащение словаря, идет в том направлении, куда ведет его устремление коллективной мысли общественной группы, обусловленное в конечном счете жизненными интересами экономического порядка [1]).

Наконец, поскольку лингвистике приходится опираться на психологию, пред лингвистикой встает необходимость усвоения марксистской психологии.

Таков в самых общих и только примерных рамках намечающийся план работ, далеко, конечно, не исчерпывающий всей огромной и сложной задачи, стоящей перед наукой о языке

Вполне понятно, что капитальная перестройка колоссального, величественного здания лингвистики, созидаемого уже свыше ста лет, дело нелегкое, требующее многих лет упорной, настойчивой работы, многих усилий творческой мысли лингвистов-исследователей.

Понятно и то, что в процессе этой перестройки возникнут новые проблемы, понадобится новая методология.

Задача, стоящая пред языкознанием, трудна, но вооруженные марксистской теорией лингвисты с нею справятся.

В этом не может быть никаких сомнений.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[1]) См. Vendryes, Le Langage p 246 sqq, 257 ssq и 261 sqq и М Покровский, Экономический материализм, Харьков 1924, стр 18—19. См. также M Bréal, Essai de Semantique, Изд 6, Paris 1924 p. 285 sqq

ERGEBNISSE.

I. Von seiner Entstehung bis auf unsere Tage entwickelte sich die Sprachwissenschaft unter der Hegemonie der Indogermanistik.

II. Historische und psychophysiologische Betrachtungsweise, welche für die Sprachwissenschaft des Ausgangs des vorigen Jahrhunderts kennzeichnend sind, sind noch gegenwartig massgebend.

III. In der neuren Linguistik (des XX Jahrhunderts) darf man folgende vier Hauptrichungen unterscheiden:

1. die idealistische (K. Vossler und seine Schule).
2. die soziologische (F. de-Saussure und seine Anhanger).
3. die sprachgeographische (I. Gilliéron und seine Schule).
4. die kultur-historische im weitesten Sinne mit drei Unterabteilungen:

a) der paleontologischen,

b) der sachlichen („Worter und Sachen"),

c) der japhetitischen (N. Marr und seine Schule).

IV. Der historische Gesichtspunkt ist so umfassend, dass er leicht die Verwandlung der rein—historischen Melhode in kultur—historische, soziologisch—historische, geographisch—historische u. s. w. gestattet.

Daher verwirft keine der genannten Sprachwissenschaftlichen Richtungen gänzlich den historischen Standpunkt, und ist die gegenwärtige Sprachwissenschaft ihrem Wesen nach historisch, obleich die synchronische Linguistik eine grosse Bedeutung gewinnt.

V. Die merkwurdigste Eigenschaft der heutigen Sprachwissenschaft ist doch ihr Soziologismus.

VI. Hier eröffnen sich der Sprachwissenschaft neue Wege, wenn diesem Soziologismus die Theorie des historischen Materialismus zu Grunde gelegt wird, wie N. Marr's japhetitische Untersuchungen beweisen.

VII. Die Einfuhrung des Marxismus ist daher, unserer Meinung nach, eine dringende Aufgabe der Sprachwissenschaft.

Diese Aufgabe ist aber schwierig und fordert eine vieljährige mühsame Arbeit zahlreicher Fachgelehrter.